

статочно, чтобы говорить о важной, если не основной роли носителей культур гребенчатой и гребенчато-накольчатой керамики в сложении прабалтского, праславянского или балто-славянского языкового массива.

По нашему убеждению, сложение этнографической карты современной Европы в нео-энеолитическое время, т.е. в IV-III тысячелетии до н.э., уже началось. Что же касается конкретно обитания в указанное время здесь предков балтов и славян, то на это указывает, кроме отмеченного выше факта прямого совпадения лингвистических и археологических данных, также анализ архео-лингвистической среды Восточной и Центральной Европы в IV-III тысячелетии до н.э.

Лингвистами установлено, что ближайшими соседями прабалтов и праславян были:

а) на западе и северо-западе — германские племена, которые обитали в это же время на Ютландском п-ве и южном побережье Балтики;

б) на юго-западе в районе северной части Правобережья Украины и в Прикарпатье праславяне (балто-славяне) соседствовали с фракийцами или карпато-дакийцами (В.В.Горнунг); последние, по мнению специалистов, отождествляются с носителями культур расписной керамики;

в) на юго-востоке праславяне и прабалты входили в непосредственный контакт с арийцами (Йогансон) или индоиранцами (В.Георгиев), которые, по общепринятому мнению (Н.Я.Мерперт, Д.Я.Телегин), были носителями в степной зоне Восточной Европы среднестоговской и ямной культур;

г) к северо-востоку и северу от района обитания прабалтов и праславян простирались обширные территории прибалтийских и волжских устро-финнов, которых многие специалисты (А.М.Тальгрэн, А.Я.Брюсов, Т.Лер-Сплавинский, Л.Ю.Янитс, Д.Я.Телегин и др.) считают носителями культур ямочно-гребенчатой керамики.

Лингвистические и археологические данные, несомненно, свидетельствуют о том, что прабалты и праславяне или балто-славяне в IV-III тысячелетии до н.э. обитали в окружении предков современных германцев, фракийцев, индоиранцев и финно-угров — носителей соответствующих археологических культур. Центральное положение балто-славянского массива доказывается как приведенными выше лингво-археологическими контактами, так и отсутствием последних, например, между прагерманцами и индоиранцами или финно-уграми и фракийцами и соответственно между их археологическими культурами, например, культурой воронковидных сосудов и среднестоговской или ямной, культурой Кукутени-Триполье и культурами ямочно-гребенчатой керамики.

По археологическим данным трудно судить, с кем мы имеем дело в неолите на рассматриваемой территории — с уже обособившимися прабалтами и праславянами или с нерасчлененными балто-славянами. Однако наличие ряда отдельных культур в указанном регионе — днепро-донецкий, неманский, нарвский и мазовшанский, видимо, указывает на начавшееся расчленение этого лингвистического единства, где на более южных территориях мог преобладать праславянский, а на севере — балтийский этнокультурный (языковый) элемент.

А.Цауне (Рига)

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ РИГИ ДО XIII В.

Свидетельства об этническом составе древнейшего населения Риги находим в топонимике, письменных исторических источниках и археологическом материале.

Большая часть топонимов, встречающихся в наши дни в

Риге, сравнительно недавнего происхождения. Древние названия с течением времени исчезли или же видоизменились. О первых обитателях окрестностей Риги свидетельствуют лишь топонимы, зафиксированные в документах XIII-XIV вв. Большинство названий рек и островов в окрестностях Риги — на языке ливов. Само же название Риги, по мнению некоторых языковедов (Дамбе, 1966), куршского происхождения.

Основным письменным источником, содержащим сведения о Риге, является Хроника Ливонии Генриха Латвийского, в которой обитателями Риги и ее ближайших окрестностей названы ливы. Лишь однажды хроники упоминают вендов (X, 14), которые, будучи изгнаны куршами из под устья р. Венты, поселились в Риге возле Древней Горы, а позже, опять-таки преследуемые куршами, направились к Цесису. В Хронике содержатся также косвенные указания на присутствие в Риге куршей и земгалов.

Древнейший археологический материал по Риге можно подразделить на два периода — XI-XII и XII-XIII вв. Об этнической принадлежности населения Риги первого периода неопровержимые данные пока отсутствуют. Встречены лишь отдельные древности, но несомненного культурного слоя XI в. ни на одной из раскопок не обнаружено. Немногочисленные украшения, датированные XI-XII вв., характерны для куршей (бронзовая крестовидная булавка) и латгалов (украшение с колокольчиками), но среди находок не обнаружено ни одного предмета ливского происхождения. Судя по тому, что Цесисский могильник вендов датируется XI в., можно было ожидать, что одними из первых обитателей Риги в Хронике Генриха должны быть упомянуты венды. Однако характерные для вендов древности в Риге пока неизвестны.

Возможно, что с вендами связаны некоторые находки XII-XIII вв., аналогии которых в латвийском археологичес-

ком материале не обнаружены. Ввиду примитивного исполнения и дешевизны сырья их нельзя считать привозными. Это небольшие деревянные палочки с вырезанными на конце двумя или четырьмя человеческими лицами. Они напоминают находки многоголовых изображений богов в землях западных славян. Ближайшие аналогии некоторых рыболовных принадлежностей также можно найти в археологическом материале польских городов балтийского побережья. Не подтверждают ли данные находки выдвинутую в свое время гипотезу о родстве курземских вендов и западных славян?

Гораздо обширнее археологический материал XII-начала XIII в. Определить этническую принадлежность населения этого периода позволяют захоронения, находки украшений в поселении, строительные особенности, а также следы жертвоприношений в постройках.

Древнейшие захоронения местного населения в Риге, датированные XII и XIII вв., открыты под Домской церковью в 1933 г., возле церкви св. Петра в 1957 г. и на ул. Яуниела в 1967-1969 гг. Два первых могильника по найденным в них характерным для населения Северной Курземе украшениям приписываются куршам (Т. Pavele, 1959; Б. Šnore, 1936) или же куронизированным ливам (Э. Мугуревич, 1973). В могильнике на Яуниела помимо куршских украшений встречено много ливских, поэтому его относят к ливским (М. Vilsons, 1973).

Анализ обнаруженных на месте первых рижских селищ украшений (А. Сауне, А. Gammersmidte, 1983) позволяет отнести их к характерным для ливов и населения северной части Курземе. И лишь отдельные экземпляры можно считать земгальскими или латгальскими.

Древнейшие деревянные постройки в Риге свидетельствуют (А. Сауне, 1984), что в планировке, системе отопления и отдельных строительных конструкциях прослеживаются некоторые характерные особенности, встречающиеся и в более позднем этнографическом материале Западной

Латвии.

Аналогии сравнительно часто встречающихся в Риге строительных жертвоприношений в латвийском археологическом материале пока известны только по поселениям ливов в низовьях Даугавы и Северной Курземе (Талсинское городище).

Анализ упомянутых источников показывает, что на рубеже XII и XIII столетий кроме обитателей окрестных низовьев Даугавы — ливов в Риге проживали также курши или куронизированные ливы. Немногочисленные находки украшений латгалов и земгалов свидетельствуют о возможном присутствии в городе некоторого количества представителей и этих народностей (женщины, путешествующие торговцы?).

В XIII в., когда Рига становится крупнейшим городом Восточной Прибалтики, быстро возрастает численность ее населения, изменяется его национальный состав. Новый город постепенно обживается не только представителями всех местных народностей, но и немцами, русскими, литовцами и другими.

М. Чернявский (Минск)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН БЕЛОРУССИИ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

В раннем неолите на обширных пространствах от Вислы до Верхней Волги и от Юго-восточной Прибалтики до Северной Украины сложилась зона родственных культур с гребенчатой и гребенчато-накольчатой керамикой — нарвская на севере, верхневолжская и верхнеднепровская на востоке, памятники струмельско-гостятинского типа и ранняя днепродонецкая на юге, неманская (дубичайский этап) на западе. При этом неманская культура занимала как западную Белоруссию, так и южную Литву, а в ареал нарвской культуры

кроме Юго-восточной Прибалтики входила и северная Белоруссия вплоть до среднего течения Березины днепровской.

Существующие локальные особенности, влияние инкультурных элементов и непосредственное проникновение носителей других культур привели в дальнейшем (III тысячелетие до н.э.) к размыванию зоны и усилению межкультурных различий в ней.

Южную часть зоны почти до современной границы БССР заняло трипольское население. Западная Белоруссия и юго-западная Литва испытывали постоянное влияние центральноевропейских культур — воронковидных кубков, а затем и шаровидных амфор. На Верхней Волге появились племена с ямочно-гребенчатой керамикой.

В среднем неолите большую часть Юго-восточной Прибалтики заняли пришлые племена культуры типичной гребенчато-ямочной керамики. Они проникли и в Белорусское Поозерье и оказали решающее влияние, особенно севернее Двины, на судьбу носителей нарвской культуры. С этими пришельцами, очевидно, следует связывать и некоторые финно-угорские гидронимы северной Белоруссии.

В то время как на основной территории распространения нарвской культуры наблюдаются активные процессы смешивания и ассимиляции, на южной периферии формируется широкая полоса с поздненарвскими памятниками, на которых заметно определенное влияние типичной гребенчато-ямочной керамики. В северной Белоруссии, восточной Литве и частично в южной Латвии такие памятники образуют кризисный вариант нарвской культуры (Усвятскую культуру, по А. М. Микляеву).

В позднем неолите в северной Белоруссии на основе слияния поздненарвских элементов с верхнеднепровскими при некотором участии носителей культуры шнуровой керамики сложилась северобелорусская культура. Она выявляет ряд общих черт с позднеэнеолитической культурой вос-